

О ПРОПОВЕДНИЧЕСКОМ ЖАНРЕ В ТЕКСТАХ СВЕТЛАНЫ КОПЫЛОВОЙ

Л. С. Быша

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь

Современная христианская культура заявляет о себе во многих коммуникативных сферах и форматах: кино, телевидение, литература, музыка. Церковь сегодня принимает активное участие в жизни страны, в частности визуализируются и транслируются церковные службы, проповеди, благодаря чему религиозное слово становится более доступным и обретает новые участки благодатной почвы. Одной из наиболее действенных форм проповеди стали притчи, с помощью которых доносил свое учение Христос. В этом смысле актуальным представляется музыкальное и поэтическое творчество С. Копыловой, чье имя связано с появлением такого нового для отечественной культуры жанра, как песня-притча. Особенности этого жанрового направления и посвящена данная статья.

Ключевые слова: песня-притча, песня-легенда, Бог, вера, грех.

Имя Светланы Копыловой — барда и поэтессы, киноактрисы, лауреата международных фестивалей — хорошо известно многим верующим. В ее репертуаре — песни-притчи, баллады, духовные песнопения. Ей принадлежит поэтический сборник и двенадцать альбомов православной авторской песни. Родилась Светлана в Иркутске, пела и сочиняла с детства, уже в 2 года имея превосходный слух, исполняла наизусть песню В. Высоцкого «Если друг оказался вдруг» [3]. На последнем курсе техникума неожиданно увлеклась театром, позже поступила в Московское театральное училище им. Б. В. Щукина. В 1988 г. сыграла главную женскую роль в нашумевшем фильме «Меня зовут Арлекино» Валерия Рыбарева. В середине 90-х знакомится с поэтом и композитором Валерием Зуйковым, после чего начинает писать для эстрады. Первой исполнительницей ее песен стала Кристина Орбакайте (песня «Где я пела», 1998) [1]. Переломный момент в ее жизни наступил после встречи с известным московским священником, протоиереем Артемием Владимировым. Певица признается: «когда я познакомилась с этим священником... все во мне перевернулось... в одночасье. И теперь я уже не могу сочинять песни светские» [2].

Светлана Копылова считается первооткрывателем жанра песни-притчи. Особенность такой песни, как и любой притчи, в том, что это небольшое повествовательное произведение назидательного характера, которое содержит религиозное поучение в иносказательной форме. Притягательность ее песен в простоте и доступности слов и образов, пронизанных глубокой верой и любовью к Богу и человеку; гармонично воплощаясь в музыке, они заставляют сердце оживать, иначе чувствовать, переживать.

Тематика песен-притч Светланы Копыловой очень разнообразна: это притчи о Божественном промысле («Два ангела», «Подруги», «Дупло»), о проблеме неверия («Цирюльник», «Близнецы»), о милосердии («Окно», «Брошенный камень»), о

грехе («Послушник и монах», «Леонардо да Винчи», «Гвозди»), о бренности жизни («Богатый и бедный», «Морские звезды») [4]. Такое тематическое деление, конечно, условно, так как одна тема способна соединять в себе несколько других, но мы ориентируемся на основной сюжет.

Песня-притча «Цирюльник» (в условном цикле о неверии) поднимает актуальную, наверное, во все времена проблему Божественной несправедливости: «Коль был бы Бог на свете, Народ не знал бы войн, не умирали б дети» — вопрос, заданный некогда Иваном Карамазовым брату Алеше. Такой подход отстаивает цирюльник в беседе с клиентом, доказывая существованием на земле зла отсутствие Бога. Клиент приводит контраргумент, помещая проблему в иную плоскость: он находит на улице бездомного заросшего бродягу и объясняет его запущенное нестриженное состояние тем, что на свете, очевидно, не существует цирюльников: «А были бы они — я не встречал бы больше На улицах людей небритых и заросших». Искусственность подобного аргумента доказывает и неправомерность слов цирюльника, сводит на нет приведенное им доказательство отсутствия Бога. Цирюльник воспринимает происшедшее как инцидент, требующий разрешения: «Что же! Пускай они придут — я постригу их тоже!» Тем самым он неосознанно отвечает на свой вопрос, перемещая фокус вины на человека, который не изъявил желания придти подстричься. Автор обращает слова цирюльника в истолкование притчи: «Вот также и Господь ждет всех людей планеты, Но люди не идут к Божественному Свету». Таким образом, вина в неблагоприятии людей лежит не на Боге, который готов принять каждого, но на них самих, и причина всех бед — в их собственном нежелании жить по-Божьи. Подобным образом тема неверия поднимается в песне «Близнецы», герои которой — неродившиеся младенцы, ведущие беседу в утробе матери. Материнская утроба выступает здесь как модель земного мира людей, соответственно, мать — образ невидимого Бога, а проблема жизни после смерти реализована в формуле *жизнь после родов*. Один из братьев являет собой пример очередного типично-неверующего подхода: «Верить в мать — это просто за гранью идей, Я не вижу ее, значит, нет ее вовсе». По его мнению, их жизнь — лишь короткая пуповина, «страданье во тьме», которое кончится родами, а будущая возможность самостоятельно есть и ходить представляется ему просто невыносимой. В обратном убеждает его брат-близнец, который не может не чувствовать заботу матери, прикосновение ее рук, не слышать ее голос, поющий им в ночи. Он осознает их темное пристанище как временное, данное лишь для того, чтобы приготовиться к будущей жизни, т. е. к вечности. Таким образом, земная жизнь — это только этап, испытание, мгновение, кажущееся нам единственной реальностью, которую мы стремимся заполнить временными удовольствиями и радостями, в то время как они поистине временны и несущественны, так как настоящая жизнь начинается для нас после смерти, где своих детей ожидает любящий Родитель.

Яркое воплощение в притчах находит тема Божественного промысла. Так, песня «Подруги» построена в форме диалога между Жизнью и Смертью, двумя старыми подругами. Жизнь пытается понять, почему ее знакомая некогда не пощадила младенца или не откликнулась на призыв старухи, мучительно ждущей смерти. Собеседница «в строгом облачении» объясняет свои действия скрытыми от других причинами, связанными с прошлым или будущим этих людей. Так, «Если б ребенок жив остался, — стал бы тогда убийцей, И, очерстев душой, не смог бы к Господу обратиться», что невольно напоминает нам евангельские слова о предателе: «лучше было бы этому человеку не родиться» [Матф. 26:24], т. е. в данном случае Господь пресекает жизнь человека в самом ее начале, зная, что спасти его в сознательном возрасте будет невозможно. Старуха, наоборот, носит на себе тяжкую ношу проклятия, которым когда-то обрекла на муки свою дочь, поэтому она не покинет этот свет до тех пор, пока не получит прощение дочери, «чтоб та сняла с нее проклятье перед дорогой к Богу». Таким образом, промысел Бога не случаен, и все, что происходит с людьми, даже кажущееся нам несправедливым, имеет свои «корни» и ответы, хотя и сокрытые от нас.

Эмоциональной силой и образностью отмечены притчи о милосердии. Одна из них — «Окно» — описывает случай в больничной палате. Два прикованных к кровати человека в разных концах комнаты, один у окна, другой у двери, образуют два противоположных пространства, два различных мира, два ощущения жизни: человек у окна, будучи слепым от рождения, рассказывает соседу то, что якобы видит за оконной рамой: «Там тихая речка, дощатый причал, И ходит по берегу кошка. По синему небу плывут облака, Причудливые, как зверушки, Сидят на причале там два рыбака, И с внуком гуляет старушка». Такова картина мира человека, не замечающего своей ущербности, обделенности, способного чувствовать и видеть сокрытую от него красоту, способного утешить того, кто, имея возможность, лишен права лицезрения чуда мира, но видит перед собой лишь «дверную краску». Человек у двери не способен к благодарной ответной реакции: не подозревая о слепоте другого, он желает занять его место. Ускорив своим нарочным бездействием смерть соседа, он добивается цели, однако его ожидает разочарование: «Увидел он вместо того, что хотел, Глухую высокую стену». Его представления и надежды, его воображаемый мир рушится, потухает, как слабое пламя, — к созерцанию большого огня он не был готов. В сущности, перемена пространства не претерпела качественных изменений: дверь сменилась стеной. Таким образом, человек, носящий в себе слепую зависть и злость, никогда не будет способен увидеть красоту мира — духовного или вещественного, внешнего или внутреннего.

Характерной особенностью притч о грехе является некоторая отвлеченность и не настаивание на исправлении — слушатель произвольно начинает видеть тот или иной порок в себе самом. В песне «Послушник и монах» послушник впадает в осуждение своего спутника — монаха, который, желая помочь девице, переносит ее через ручей. Мучимый увиденным на протяжении всего пути, послуш-

ник недоумевают, как монах посмел коснуться женщины, о чем смеет спросить его только у монастырских ворот. Монах отвечает с присущим ему смирением: «Ты поднял в стакане бурю, <...> обрати к себе свой взор. Я ее давно у ручья оставил, ты — несешь с собою до сих пор». Таким образом, грех, совершенный монахом, остался формой — без содержания, в то время как послушник, явным образом не преступив устава, согрешает мысленно, дерзнув осудить спутника, при этом, не касаясь девицы, он, однако, не переставал о ней думать.

Тема любви к Богу поднимается в песне «Калека», где описана история человека, который не имел рук и ног, но «всею душой любил» Бога и имел единственную мечту — научиться рисовать, чтобы прославлять своего Творца, «ведь мог он кисть во рту держать, И рисовать он стал Того, Кто сотворил таким его». Самое удивительное, что таким человеком была реальная личность — известный художник и иконописец XIX в. Григорий Журавлев, который писал иконы зубами, более того, даже управлял вожжами [5]. Рядом с этим — бесконечно ничтожными выглядят наши проблемы, наши обиды, наши желания.

Притчи — не единственная жанровая форма, используемая в текстах автора, встречаются также и песни-баллады, песни-легенды. Религиозные в своей основе, они могут обращаться как к жизненным ситуациям, так и к библейским мотивам. Так, например, целый цикл песен-легенд складывается в своеобразную интерпретацию Евангельских событий от Рождества до Воскресения. Песня «Пастуший тулуп» описывает события Рождества с точки зрения злого пастуха, недовольного появлением Иосифа, который пришел попросить углей. Видя, как гость совершенно безболезненно голыми руками накладывает горящие угли в свой подол, пастух из чувства любопытства отправляется за чудным незнакомцем и при виде кроткой Жены с Младенцем сердце его сжимается от жалости: он дарит Младенцу свой тулупчик. Таким образом, эпизод прихода в мир Бога становится историей преобразования души пастуха.

Есть ряд сюжетов, связанных со служением Христа, а именно случаи чудесного исцеления слепорожденного [Ин. 9:1–38], десяти прокаженных [Лк. 17: 11–19], дочери Иаира [Мф. 9:18–26]. Однако описываемым событиям придается бытовая окраска, т. е. момент исцеления — это лишь эпизод в развитии отношений определенных героев. Так, в песне «Зрячая любовь» жена случайно узнает от соседа, что ее слепой от рождения супруг прозрел от руки Галилейского пророка Иисуса. Женщина рада и не рада одновременно, так как муж увидит, что она некрасива, но, прозрев, он не замечает непривлекательной внешности супруги, а покрывает ее лицо поцелуями. В другом случае — при исцелении дочери Иаира (песня «Горшечник») — чудо происходит лишь благодаря заботе о болящей влюбленного в нее юноши, который упрашивает ее отца послать за известным пророком из Галилеи. Таким образом, фокус изображения перемещается с божественного на бытовое, чудесная основа происходящего обрамляется конкретным сюжетом, на первый план выходят чувства людей, их взаимоотношения. В легенде

о Закхее (песня «Мытарь») то, что составляет центральное событие библейского сюжета [Лк. 19:1-10], уходит на второй план: в основе повествования история о больной женщине, в дом которой приходит мытарь, но не за поборами, что ожидается, а, напротив, чтобы оставить ей свой денежный ящик. На вопрос женщины, в своем ли он уме, мытарь отвечает: «Был у меня вчера Иисус, И я теперь другой...» Так встреча с Иисусом преображает такого человека, как мытарь (за мытарями была закреплена слава поборников, наживающихся за счет простых граждан), и заставляет его изменить свою жизнь в одночасье, побуждает раздать свое имущество и воздать втрое тем, кого обидел.

Подобным образом в песне «Гефсиманская лилия» переживания трагических событий Гефсиманского сада [Мк. 14:32–50] переносятся на жизнь растений, которые ощущают приближение рокового часа в момент, когда мимо них проходит Иисус: «И лилия в печальных тех глазах Увидела смертельное страданье». Для гордой, самолюбивой лилии, не захотевшей склонить перед Ним свою головку, смиренный, исполненный мук взор Иисуса послужил уроком покаяния. В песне «Красношейка» тяжелая сцена распятия [Мф. 27:33–56] вплетается в нить рассказа о судьбе серой птахи, которой Богом предсказано стать красношейкой. Осуществляется это предсказание путем ее невольного присутствия на Лобном холме, где капля крови с лаврового венца окрашивает ее перья в пурпурный цвет. Проявив отвагу и любовь к Мученику, она заслуживает обещанное оперение. Наконец, Воскресение Христа [Мф. 28:1–8] осмысливается в песне «Два ослика» через диалог животных, одно из которых недоумевает, как люди могут не верить «в то, что Христос силою Божьей воскрес», при этом он оказывается тем ослом, который когда-то провез Святое Семейство в Египет, а другой — тем, на ком Иисус въехал в Иерусалим. Как заключает автор, «благоговейные звери Верили в то, что было ясно без слов. И только мы — те, кто погрязли в неверьи, — Хуже порой даже упрямых ослов!»

Как видим, Евангельские сюжеты в текстах Светланы Копыловой даются в восприятии обычных людей и даже растений и животных, ставших участниками событий жизни Христа, но вышедших на первый план повествования. Возможно, в каком-то смысле это снимает глубинный смысл происходящего и его серьезность, но, с другой стороны, приближает к нам ту историю, помогает ощутить реальность тех событий и увидеть, что в те времена жили люди, такие же, как и мы, со своими слабостями и страстями.

Помимо обращения к конкретным библейским эпизодам, в песнях Копыловой можно встретить и неяркие аллюзии к евангельскому тексту. Так, притча о кающемся грешнике, который оказывается дороже 99-ти праведников, «не имеющих нужды в покаянии» [Лк. 15:7], реализована в песне «Дар Богу», где 99 из 100 ангелов принесли Богу немало «земных даров» — добрых людских дел, и лишь один ангел принес в ладонях покаянную слезу грешника. В виде развернутой евангельской цитаты — «горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам;

но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» [Мф. 18:7] — представлена песня «Писатель и вор», где в аду мучается писатель, чьи романы и после смерти автора продолжают «развращать юные сердца»: «Дай нам, Боже, помнить на своем пути, Что соблазнам должно в этот мир придти, Но какое горе ожидает нас, Если в мир приходит через нас соблазн!»

Определенный цикл песен-притч обращен к 10 Моисеевым заповедям, каждая из которых иллюстрирует жизненную ситуацию, связанную, как правило, с нарушением этой заповеди. Необычно проинтерпретирована автором первая заповедь «Я — Господь Бог твой» [Исх. 20:2], имеющая авторский вариант под названием «Новая религия». К пустынно-старцу приходит философ за советом, как основать «взамен Христианства религию новых идей», на что старец ему отвечает: «Ты в мир этот грешный ступай, Больных исцеляй, воскрешая из мертвых, Себя на распятыи отдай... Позор и предательство примешь смиренно, Прощая с любовью людей, И если из гроба в день третий воскреснешь — Ты цели достигнешь своей!» Таким образом, невозможность существования новой религии сопряжена с невозможностью повторить искупительный подвиг Христа, тем самым подчеркивается истинность для человека лишь одной христианской веры.

Какое бы жанровое определение ни имела та или иная песня, будь то притча или легенда, баллада или «не просто песня», рассказывающая о Евангельском событии или о жизни святого, она всегда обращена к сердцу своего слушателя, она желает разбудить в нем ощущение Божьего присутствия, рассказать о радости христианской жизни.

Творчество Светланы Копыловой удивительно проникновенно, оно несет в себе по-детски искреннюю и истинную веру. «Как отрадно, — говорит протоиерей Артемий Владимиров, — что исходящее из ее женского сердца слово не туманное и неопределенное в его значениях, не вялое и путаное, но простое, ясное и...прекрасное...» [4] Ее песни никого не оставляют равнодушными, а кого-то приводят к вере, они любимы как взрослыми, так и детьми, а главное, заставляют их задуматься о своей жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Копылова Светлана Вадимовна // Кино-Театр.ру [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kino-teatr.ru/>. Дата обращения: 9.11.2013. Загл. с экрана.
2. Копылова Светлана // Last.fm [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lastfm.ru/>. Дата обращения: 9.11.2013. Загл. с экрана.
3. Копылова Светлана // Люди: peoples.ru [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.peoples.ru/>. Дата обращения: 9.11.2013. Загл. с экрана.
4. Копылова Светлана. Персональный сайт. Дискография [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.svetlana-kopylova.ru/>. (альбомы «Дар Богу», «Кисточка в Божьих руках», «Зрячая любовь», «Хрупкая мечта»). Дата обращения: 9.11.2013. Загл. с экрана.
5. Лялин В. Н. Утеевский иконописец Григорий Журавлев // Победившие судьбу: сайт электронной книги [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pobedivshie.ru/>. Дата обращения: 9.11.2013. Загл. с экрана.